

● Точка зрения

Галина Карева:

РОМАНСУ ЖИТЬ ВЕЧНО

Я шел на концерт заслуженной артистки РСФСР Галины Каревой в один из лучших московских залов «Октябрь» и нес небольшой букет цветов. Но уже в фойе какая-то женщина средних лет подошла ко мне и назидательно так сказала: «Она же не любит лилий!» Я виновато спрятал цветы за спину, но не выбросил, пронес в зал. Начался вечер русского романса. А почти через три часа степенная на вид публика [та, которой за тридцать!], стоя «бисировала», не отпускала певицу со сцены, в глазах у людей разгорался жар молодости. И роскошные, и скромные букеты зрители переправили героине вечера, а я стеснялся вручить ей свой «нелюбимый» букет и отдал лишь за кулисами, когда все разошлось. Там же мы и договорились о встрече.

— Галина Алексеевна, судя по моим кратким наблюдениям, у вас есть своя публика, которая любит вас и все-все про вас знает.

— Вы не ошиблись. У меня свой слушатель. Это человек уже в годах, немало повидавший в жизни, многое переживший, испытавший и радость, и горе, и любовь. Я благодарна судьбе за такого слушателя, он постоянен, надежен. Правда, сейчас его возраст быстро убывает. Оказалось, что даже ученики пятых — седьмых классов любят теперь романсы... Ну, а знают ли они обо мне все? Вряд ли. Могут и ошибаться. Вот цветы ваши вопреки «прогнозу» мне понравились...

— Я рад. А какие цветы вы любите больше всего?

— Розы. Они прекрасны. И еще — гвоздики, ромашки.

— А какой цвет?

— Красный и белый. Это у меня от оперы. Я ее воспринимаю в красно-белом цвете — пурпурные мантии, белые плащи с золотом, красная юбка Кармен...

— Я знаю, вы были солисткой Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова...

— Да, почти двадцать лет. Спела там около тридцати партий.

— А почему же изменили опере?

— Это опера изменила мне.

— Не понимаю...

— Я еще застала в театре удивительную романтическую атмосферу традиционной оперы. Каждый спектакль — праздник: море цветов, бесчисленное количество вызовов, восторг у всех от только что пережитого — от артиста до рабочего сцены, от режиссера до зрителя в последнем ряду... На моих глазах, к сожалению, опера стала размываться, как жанр, утрачивать дух романтизма. Пришли новые режиссеры и отвели артисту скромное место исполнителя их воли, избавились от декораций Головина, Коровина, Кустодиева, включили в спектакль кино... Опера стала не та. И не только я одна ушла тогда из театра.

— И подружился с романсом?

— Нет, все было сложнее. Русский романс — мое давнее увлечение. Я всегда его пела и всегда за него боролась... И в театре — тоже.

— Вы сказали — боролась?..

— Вызывало меня начальство, стыдило: как вы, серьезная оперная певица, можете после академических арий петь «Очи черные»? А я защищалась:

этот романс и Шалапин, мол, пел, артист безукоризненного вкуса. Приводила слова известного театроведа А. Кугеля, который говорил, что «пошлость — это ржавчина, она может покрыть все». Можно пошло исполнить и народную песню, и Баха, и Чайковского, а из романсов сделать «рыдансы» и «страдансы». Шалапин, Обухова, Давыдов силою своего таланта одухотворяли романс, поднимали до своих высот — интеллектуальных и музыкальных...

— Ну, и кто же победил?

— Победа досталась мне и романсу. Однажды театр решил устроить на самом большом ленинградском стадионе грандиозное представление. На «Шекспириану» пригласили со всего Союза оперных артистов, собрали 25 Отелло, столько же Джульетт, Гамлетов. Там был Ричард Львиное Сердце со своей конницей. Вместе их еще никто не видел и... не захотел увидеть. Стадион оказался почти пустым. А театр, взявший все расходы на себя, как раньше бы сказали, — прогорел. На другой день меня вызвали в дирекцию и, зная мою популярность у публики, попросили дать несколько сольных концертов. Предложили лучшие залы. «Что исполнять будете?»

— «Как что? Романсы», — храбро ответила я. И бросилась раскапывать старые, полузабытые. Ни слов еще не знала, ни музыки. Занималась дено и ночью. И о чудо! На концертах не то что аншлаг — переаншлаг был! Кассе театра я помогла, получила благодарность. Но и не только. Именно тогда я поняла, что романс — мой истинный жанр.

— Скажите, вы поете что-нибудь из Мусоргского?

— Пою. Но почему именно Мусоргского?..

— Он родился в Псковской губернии в селе Карево. Это название так созвучно вашей фамилии.

— Увы, к псковской земле отношения не имею. Родилась в Пензенской области, можно сказать, проездом. Маму, сельскую комсомолку, нашел там вечный странник отец — артист, музыкант. Он играл на профессиональной сцене, владел всеми музыкальными инструментами. Но, видно, не достиг своих идеалов, ушел в агрономы. Семья наша поколесила немало, прежде чем осела в Москве. А скрипку отца, на которой он учил меня играть, я берегу.

— Когда вы почувствовали симпатию к романсу?

— Когда услышала, как поет Обухова. Она часто выступала по радио, выполняла заявки бойцов с фронта. Я выучила весь ее репертуар и сама пела бойцам в нашем госпитале.

— Вы разве были на фронте?

— Я девчонкой, старшеклассницей, туда сбежала. Взяли меня в госпиталь волонтером санитаркой. Победу встретила в Измаиле. Начальник госпиталя предлагал мне рекомендацию в 1-й мединститут, сулил лавры хирурга. А я мечтала петь, попать в артистки. Закончила музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова. Училась у прекрасного педагога

Анны Кузьминичны Чумаковой-Корсовой. Она говорила: «Только искусство тебе не изменит. Но искусство и не терпит соперников».

— Не терпит соперников?..

— Непонятно? То есть отдай ему всего себя. У нас один артист был страстным рыбаком. Ну какой он певец? Ходил всегда простуженный. Одна девушка безумно любила и на нервной почве потеряла и голову, и голос... Ну, а я пытаюсь выполнять завет моей наставницы. Вот теперь говорят, что характер у меня плохой. Но, может, благодаря ему я и считаю себя счастливой. Потому что в жизни не делала того, чего не хотела, не пела того, что мне не нравилось. В творчестве не должно быть компромиссов. Сколько вокруг случаев — многие поют то, что им навязывают, надо, мол. Почему надо? Какой-то композитор — друг нашего директора или еще чей-то друг.

— Галина Алексеевна, как к вам относятся люди, ведущие театральную рекламу? Кроме объявления в «Вечерке», я не видел ни одной афиши о вашем концерте.

— Вы попали в болезную точку. Афиши просто-напросто забыли развесить. Но это не потому, что лично ко мне плохо относятся. Это — тенденция и, я считаю, важная тема для вас, газетчиков, — о пропаганде искусства. Однажды мы, бригада из семи человек, прилетели в Хабаровск, а туда тоже забыли прислать афиши. Так и улетели обратно — воляж через всю страну за казенный счет. Или другой случай. Вот я приехала в областную центр, выхожу на сцену, чтобы пропеть «Отцвели уж давно хризантемы в саду», надеюсь создать у публики «хризантемное» настроение, а сзади меня — красный с белыми буквами плакат «Привет новаторам!» или еще что-нибудь в том же духе... Как много теряем мы оттого, что администраторы неумелы и равнодушны, что реклама неоперативна и не горазда на выдумки, а люди, призванные беречь и приумножать театральные традиции, походя их разрушают.

— Вы правы, это отдельная важная тема. Может, вернемся еще ненадолго к романсу?

— С удовольствием.

— Чем объясните вы удивительную «живучесть» романса? Ему, как жанру, несколько веков. Сейчас звучат романсы, которым по сто и более лет, и трогают сердца наших современников...

— Я считаю, что романс вечен, так же как вечна любовь. Созданные талантливыми поэтами и композиторами «по горячим следам», романсы передают нам из глубины лет силу человеческого чувства, они не могут не волновать, не зажигать и нас. Мы, люди, за это время, можно сказать, не изменились. Если бы конструкторы первого паровоза Черепановы пришли сегодня на тепловозный завод, они не смогли бы помочь там ничем. Ну а Пушкин, Чайковский, знатоки тончайших нюансов человеческого души, и сейчас по праву разделяют и нашу радость, и наше горе, без них жизнь была бы беднее... Исполняя романсы, я стараюсь создать такую атмосферу, которая помогла бы слушателям раскрыть сердца к постижению их собственных чувств.

— Еще один вопрос, на который, если сочтете его неуместным, можете не отвечать. На концерте вы пели романс Прозоровского «Вернись, я все прощу». Доводилось ли вам в жизни говорить такие слова?

— Я считаю, что на сцене нельзя плакать настоящими сле-

зами — ничего хорошего из этого не получится. Актер, по-моему, играет искуснее то, чего не было в его жизни. При этом поднимаются пласты его воображения, он не стеснен никакими реальными рамками, он волен играть так, как ему хочется. И это создает больший художественный эффект, чем если бы он просто скопировал то, что с ним когда-то было... Так же и в исполнении романсов. Мне не приходилось никому говорить: «Вернись, я все прощу». Может, потому этот романс так и удаётся?..

— На концерте прозвучали два романса на музыку Каревой, публика приняла их тепло. Я знаю, что у вас есть произведения и на свои стихи...

— И тем не менее ни композитором, ни поэтом я себя не считаю. Это скорей дань традиции. Вот Александр Вертинский, например, долго пел чужие романсы. Потом стал сочинять свои...

— Ну, и последний вопрос. Вашим увлечением, когда вы пели в опере, был романс. Теперь он стал делом, профессией. Остались ли увлечения?

— Всю жизнь увлекалась медициной. И сейчас верна ей, собираю в Подмосковье, сушу разные травы. Они-то, считаю, и поддерживают мое здоровье, мое горло, которого, сказали врачи когда-то, хватит всего на пять лет. Я остаюсь верна себе, поступаю наперекор жизненным обстоятельствам.

...Мы еще долго говорили с Галиной Алексеевной. [Разве уложишь в газетные рамки простой человеческий разговор!]. Оказалось, что Карева сама себе режиссер — умеет, например, так выстроить концерт, что к концу его слушатель все больше и больше зажигается и готов слушать певицу бесконечно. На одном из концертов [«Когда я была в ударе и зрители — тоже»] она спела 58 (!) романсов, то есть более чем в два раза перекрыл обычную «норму». Поклонниками ее таланта были Игорь Стравинский, Юрий Гагарин, итальянский режиссер Витторио де Сика... На программке одного из концертов я прочитал приписку, сделанную типографским шрифтом: «Сбор средств поступит на восстановление домика няни Пушкина в деревне Кобринно... Только что фирмой «Мелодия» выпущена новая пластинка с романсами в исполнении Галины Каревой. Сейчас певица в гастрольной поездке: Ленинград—Калининград—Калинин... После возвращения я приглашен на органичный вечер, где она исполнит Баха, Генделя, Перголези. Ее и на классику хватает, потому что артистка верна своему выбору — Искусству.

Беседу вел Р. АРМЕЕВ.